

Евгений Анисимов

ДВОРЦОВЫЕ ТАЙНЫ

2-е издание, переработанное

 ПИТЕР®

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ
Дворцовые тайны

«Питер»

2007

Анисимов Е. В.

Дворцовые тайны / Е. В. Анисимов — «Питер», 2007

Автор и ведущий телепередачи «Дворцовые тайны», известный историк и писатель Евгений Анисимов повествует о самых загадочных тайнах российской истории XVIII столетия. Перед вами пройдет череда увлекательнейших сюжетов из жизни царей и российской знати. Вы найдете ответы на вопросы: в чем заключалась истинная причина казни царевича Алексея? Был ли Михаил Ломоносов сыном Петра Великого? Кто скрывался под русской «Железной маской»? Кто был тайным мужем императрицы Елизаветы? Как сложилась жизнь внебрачного сына императрицы Екатерины Великой? И наконец – какова была тайна всех тайн русского двора, о которой знали все? Второе издание, переработанное.

© Анисимов Е. В., 2007

© Питер, 2007

Содержание

Введение	5
Неумолимый рок и нелюбимый сын: царевич Алексей Петрович	7
Проделки неверной фортуны: Александр Меншиков	11
Неистовый генерал-прокурор: Павел Ягужинский	15
Конец в замурованной камере: архиепископ Феодосий	18
Русский кунктатор: Борис Шереметев	22
Размышления у открытого склепа: Роман Брюс	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Викторович Анисимов

Дворцовые тайны

Введение

В начале 2000 года телеканал «Культура», весьма уважаемый многими за хорошие передачи и отсутствие рекламы, предложил мне участвовать в проекте «Дворцовые тайны» в роли автора и ведущего этой передачи. Подумав немного, я согласился и со временем даже примирился с названием передачи. Как известно, если в заголовке не будет слов «тайна» или «расследование», то многие люди и смотреть не станут. Дирекцией мне была предоставлена полная свобода творчества, которой я и воспользовался, рассказывая с экрана современным людям о людях XVIII века. Мне повезло, что режиссером моих передач была талантливая и оригинальная женщина Татьяна Львовна Малышева и что почти все съемки проходили в Петергофе, доньине процветающем под благотворной властью несравненного директора Вадима Валентиновича Знаменова. Постепенно преодолевая скованность и страх, я все больше и больше увлекался передачами. Письма же, которые присылали мне зрители со всех концов страны, говорили, что эти передачи люди смотрят, и это воодушевляло – оказывается, слова о любимом мною XVIII веке не пропадают в пустоте и кого-то трогают.

Сам я – профессиональный историк, специалист по русской истории XVIII века, написал несколько научных монографий и много популярных книг и статей, предназначенных для замечательного российского «широкого» читателя – умного, образованного, интересующегося всем на свете. Дело в том, что с годами я понял: интерес к прошлому неистребим в каждом человеке, чем бы он ни занимался. Наверное, этот интерес вызывается течением самой жизни. Рано или поздно человек, понимая тщету или, наоборот, ценность своей (уникальной для него) жизни, невольно ставит ее в некий ряд, цепочку подобных человеческих жизней, большинство из которых уже когда-то оборвались. И тогда человеку остро хочется «вскочить в машину времени», на минутку «заглянуть в прошлое», понять, как жили они, люди прошлого, в другом (и в то же время похожем на наш) мире, что они чувствовали, как относились друг к другу. Тут-то и возникает потребность в слове историка, которому можно довериться, зная, что он не будет врать, исходя из политических соображений или ради красного словца.

Но зачастую, взяв на первый взгляд «аппетитную» историческую книгу и удобно устроившись с ней на диване, читатель быстро остывает к ней – так порой скучно, занудно, наукообразно и бедно бывает слово профессионального историка. А порой со страниц книги, написанной неисториком, «вылезает» столько невежества, авторского самомнения, поучений или, еще хуже, пренебрежения к людям прошлого. Ну как же, ведь они не знали, что такое самолет, лазерное оружие, не держали в руках «мобилу», и уже только потому, что жили в «несовершенном» прошлом, они кажутся глупее его самого!

Больше всего я боюсь именно таких впечатлений от своей книги, поэтому изо всех сил стремлюсь не разрушить зыбкого следа, оставшегося от прошлого, стараюсь передать все его своеобразие и – в то же время – отразить свои ощущения от соприкосновения с ушедшими человеческими жизнями. Я убежден, что как бы мы ни вооружались всевозможной техникой, большинство из нас никогда не будет умнее Вольтера или Ньютона, талантливее Моцарта или Ломоносова. Словом, к людям прошлого нужно относиться с уважением – ведь они уже не могут ответить на наши порой вздорные претензии, они навсегда замолчали, как замолчим и мы, также став беззащитными перед суждениями потомков.

С такими мыслями я вел передачи этого цикла, а потом писал эту книгу. Каждая главка – новелла об одном из героев русского XVIII века. Вместе они представляют собой полсотни

звеньев единой цепи человеческих жизней, которая тянется во времени из одной бесконечности в другую...

Е. В. Анисимов

Санкт-Петербург, февраль 2005 г.

Неумолимый рок и нелюбимый сын: царевич Алексей Петрович

Единокровные враги

Один из сподвижников Петра Великого гвардейский офицер Александр Румянцев описывал в письме к приятелю, как поздней ночью 26 июня 1718 года Петр I вызвал его к себе в Летний дворец. Войдя в царские апартаменты, Румянцев увидел такую сцену: возле сидевшего в кресле государя стояли глава Синода архиепископ Феодосий, начальник Тайной канцелярии (политической полиции того времени) граф Петр Толстой, его заместитель майор гвардии Андрей Ушаков, а также супруга Петра, Екатерина Алексеевна. Все они успокаивали плачущего царя. Обливаясь слезами, Петр приказал Румянцеву и трем другим офицерам тайно умертвить своего старшего сына, царевича Алексея Петровича, заключенного в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Это был финал подлинно шекспировской драмы, развернувшейся на глазах всех российских подданных...

Будущий конфликт отца и сына, их отчужденность, переросшая затем во вражду, были предопределены изначально тем положением, в котором оказался наследник российского престола. Царевич Алексей – сын Петра от первой жены Евдокии Лопухиной – родился 18 февраля 1690 года. Мальчику было всего восемь лет, когда у него отняли мать. Царь приказал сослать ее в монастырь и насильно постричь в монахини. Алексей сильно переживал разлуку с матерью, но отец запрещал ему видеться с бывшей царицей – старицей Еленой суздальского Покровского монастыря, и, узнав однажды, что царевич, уже семнадцатилетний, тайком ездил в Суздаль на свидание с матерью, был вне себя от гнева.

Петр не любил старшего сына, как живое и неприятное напоминание о неудачном первом браке. Он назначил Алексею содержание, определил учителей и воспитателей, утвердил программу образования и, занятый тысячами срочных дел, успокоился, полагая, что наследник на верном пути, а если что – страх наказания поправит дело. Но Алексей, оторванный от матери, отданный в чужие руки, сирота при живых родителях, терзаемый болью и обидой за мать, конечно, не мог стать отцу близким человеком. Позже, на допросах под пытками, он показал: «... Не токмо дела воинския и прочия от отца моего дела, но и самая особа зело мне омерзла...» Тем более не возникло близости между отцом и сыном позже, когда у царя появилась новая жена Екатерина Алексеевна, которой не нужен был пасынок. В сохранившейся до наших дней переписке Петра и Екатерины царевич Алексей упоминается два-три раза, и ни в одном из писем ему нет даже приветов. Письма же отца к сыну холодны, кратки и бесстрастны – ни слова одобрения, поддержки или ласки. Как бы ни поступал царевич, отец им был вечно недоволен. Во всей этой трагедии виноват был только царь. Когда-то он отмахнулся от мальчика, отдав его на воспитание другим, чужим и мелким людям, и уже через десять лет получил за своей спиной врага, не принимавшего ничего из того, что делал и за что боролся его отец.

Царевич вовсе не был слабым и трусливым истериком, каким порой его изображают. Ведь до сих пор Алексея представляют в образе, который талантливо, но предвзято создал Николай Черкасов в довоенном фильме «Петр Первый». На самом же деле Алексей Петрович – сын своего великого отца – унаследовал от него волю, упрямство. Забегая вперед, отмечу, что наследник не организовывал никакого заговора против отца, как пытались потом представить дело Петр и государственная пропаганда. Его сопротивление отцу было пассивным, никогда не вырывалось наружу, пряталось за демонстративным послушанием и формальным почитанием отца и государя. Но все же царевич с нетерпением ждал своего часа, который должен

был наступить со смертью отца. Он верил в свою звезду, твердо знал: за ним, единственным и законным наследником, – будущее, и нужно лишь, сжав зубы, дожидаться часа своего торжества. Царевич не чувствовал себя и одиноким: за его спиной стояли верные люди из ближнего окружения, на его стороне были симпатии знати, раздраженной господством «выскочек» вроде Меншикова.

Когда дети – счастье одних и горе других

В октябре 1715 года узел этой трагедии затянулся еще туже. К этому времени Алексей по воле Петра был уже давно женат на вольфенбюттельской кронпринцессе Шарлотте Софии, и 12 октября у нее родился сын, названный в честь деда Петром. После родов Шарлотта умерла. Буквально через две недели жена Петра Великого, царица Екатерина также родила долгожданного мальчика, которого тоже называли Петром. Он рос здоровым и живым малышом. «Шишечка», «Потрошенок» (то есть плоть от плоти) – так называли сына Петр и Екатерина в своих письмах. Как юные родители-молодожены восхищаются своим первенцем, так уже немолодая царская чета с восторгом встречала первые шаги своего сынка. «Прошу у Вас, батюшка мой, защиты, – шутит в письме Екатерина, – так как он немалую ссору имеет со мной из-за Вас: когда я про Вас помяну ему, что папа уехал, то не любит такой речи что уехал, но более любит и радуется, когда скажешь, что здесь папа.» В другом письме: «Дорогой наш Шишечка часто своего дражайшего папу упоминает и при помощи Бога в своем возрасте совершенствуется».

Царь и царица мечтали о счастливом будущем своего сына, с Шишечкой были связаны все их надежды, они называли его «Санкт-Петербургским хозяином». При этом счастливые родители как бы забывали, что тут же, в столице, живет царевич Алексей – законный будущий хозяин России, у которого также есть свой наследник – ровесник Шишечки, великий князь Петр Алексеевич. Нет! Царь не забывал об этом ни на минуту. Не в его стиле было уходить от проблем, особенно когда шла речь о судьбе России. По его письмам к Алексею мы видим, что после рождения Шишечки претензии царя к старшему сыну становятся все серьезнее, обвинения все суровее. Петр требует от Алексея стать ему верным, усердным помощником в многотрудных делах, вообще сделаться другим – «отменить свой нрав». Иначе, угрожает царь, «тебя наследства лишу, [отсеку] яко уд гангранный, и не мни себе... что я сие только в острастку пишу: воистину... исполню, ибо за мое Отечество и людей живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть?»

Приглашение на казнь

Эта угроза выдавала истинные, зловещие намерения Петра: лишить Алексея наследства, завещать престол младшему сыну, любимому Шишечке. Но старший брат ни в коем случае не должен быть ему соперником. Царь требует, чтобы Алексей безусловно отрекся от прав на престол. Царевич выражает на это свое полное согласие. Но Петру этого мало. Он требует, чтобы Алексей ушел в монастырь. И на это соглашается царевич. Но нет покоя царю: он опасается, что акт об отречении сына после его, Петра, смерти окажется просто ничего не значащей бумажкой. Монастырь – не могила, из него и выйти можно, и сесть на престол. Словом, пока жив Алексей, он опасен для детей Петра и Екатерины.

Уехав из Петербурга в Копенгаген по делам войны, царь в августе 1716 года письмом вызвал Алексея к себе, причем потребовал, чтобы тот детально указал маршрут и время прибытия в каждый из городов на своем пути, с тем чтобы контролировать передвижение сына. Алексея это насторожило – от отца он мог ожидать всего чего угодно. Царевич собрался в дорогу, но его терзал страх: либо ему устроят покушение по дороге, либо при встрече отец обрушит на него свой неистовый гнев. На пути к отцу, в Польше, Алексей неожиданно изменил

маршрут и бежал во владения Австрии, где надеялся найти прибежище. Ведь сестра покойной жены царевича была супругой австрийского императора. Несомненно, поступок этот – акт отчаяния, попытка разорвать смыкавшееся вокруг него кольцо, спастись от неминуемой гибели. Но побег за границу в те времена – это страшное для российского подданного преступление, которое расценивалось однозначно как государственная измена. Бегство это породило в душе Алексея страшные душевные муки. Он потерял покой и не мог найти себе места, чувствуя свою вину перед отцом и Россией.

Ужасная жертва

Узнав о бегстве сына, Петр был вне себя от ярости. На розыски царевича он послал П. А. Толстого, дав ему строжайший приказ: во что бы то ни стало доставить Алексея в Россию. Толстой вместе с А. И. Румянцевым долго прочесывал владения австрийского императора, пока наконец не обнаружил беглеца в Италии, под Неаполем. Настигнув царевича, Толстой ловко воспользовался угрызениями совести, которые терзали беглеца. Умело разжигая в Алексее чувство вины, обещая ему – от имени царя – безусловное прощение в случае явки с повинной, Толстой сумел выманить его в Россию.

Вот уж кто оказался предателем, так это любовница царевича Ефросинья, простая крепостная девушка, которую Алексей полюбил и увез с собой за границу. Она помогла Толстому сломить волю царевича, усыпить его страх и заманить в западню. В материалах Тайной канцелярии сохранилась краткая запись, сделанная уже потом, несколько лет спустя после гибели царевича: Ефросинья получила на свадьбу с неизвестным нам человеком две тысячи рублей из денег покойного царевича. По тем временам это была огромная сумма денег, и это, без сомнения, были иудины сребреники.

Вернувшегося домой царевича ждало не прощение царя, а его гнев. Алексея подвергли допросам, очным ставкам, пыткам, причем сам отец сидел за столом следователя в пыточной палате. Он наблюдал, как его родного сына заплечные мастера подвешивают на дыбу, бьют кнутом, рвут у него ногти. Летом 1718 года состоялся назначенный государем суд. Все сподвижники Петра, составившие судилище, один за другим, вынесли приговор: «Виновен, достоин смертной казни». А потом наступил момент, когда нужно было привести приговор в исполнение. И опять позвали Толстого и Румянцева.

Нам неизвестно, о чем думала и что говорила мужу в этот страшный час Екатерина. Конечно, она, его «друг сердешенькой», была рядом, чтобы облегчить тяжкий удел царю, приносившему ужасную жертву на алтарь отечества – своего сына, врага внутреннего. Но не забудем, что в этот поздний час неподалеку от комнаты, где собрались палачи, мирно спал Шишечка. Так сложились обстоятельства, так требовал сюжет этой драмы, что кровь Алексея была нужна ей, матери «Санкт-Петербургского хозяина». Кроме того, царица в тот момент была на сносях, и супруги, вероятно, думали, что вскоре родится еще один сын. Но тогда, в августе 1718 года, родилась дочь Наталья.

Негасимая свеча

Казнь-убийство была совершена, как и приказал государь, ночью, в полутьме. По описанию Румянцева, Алексей не хотел умирать, он вырывался из рук палачей, но они гуртом навалились на него и придавили подушкой. Ослабленный пытками царевич бился недолго, а потом затих. Прибрав комнату и положив тело так, будто царевич безмятежно спит, убийцы исчезли во тьме. Впрочем, есть и другая версия казни – царевича отравили. Все равно, вероятно, было так же мерзко – одни держали царского сына, другие вливали яд сквозь стиснутые зубы.

Как бы то ни было, наутро Петр и Екатерина вздохнули свободно: проблема престолонаследия решилась. Царевич Петр Петрович стал полноправным и единственным наследником престола. Он подрастал, умиляя родителей. Но предсмертные крики Алексея, бывшего в руках тайных ночных палачей, повисли проклятием над царским домом. В апреле 1719 года супруги были потрясены страшным несчастьем: их радость, их надежда, милый Шишечка, проболев (возможно, гриппом) несколько дней, умер. Он не прожил и трех с половиной лет. Фундамент благополучия царской семьи дал глубокую трещину. Горе Екатерины было безмерно. Когда она сама восемь лет спустя умерла, то в ее вещах были найдены игрушки – не умершей позже дочери Натальи или других рано скончавшихся детей, а Шишечки, «Санкт-Петербургского хозяина». Канцелярский реестр трогателен: «Крестик золотой, пряжечки серебряные, свистулька с колокольчиками, рыбка стеклянная, готоваленка яшмовая, фузейка (ружье. – Е. А.), шпажка, эфес золотой, хлыстик черепаховый, тросточка». Так и видишь безутешную мать, перебирающую эти дорогие ей миниатюрные вещицы.

На панихиде по Петру Петровичу в Троицкой церкви Петербурга 26 апреля 1719 года произошло зловещее событие. Один из присутствующих – Степан Лопухин, родственник опальной царицы Евдокии и, следовательно, царевича Алексея – что-то сказал соседям и кощунственно рассмеялся. Потом на допросе в Тайной канцелярии свидетели показали, что Лопухин сказал: «Еще его, Степана, свеча не угасла, будет у него будущее!» На пытке Лопухин повинился, что под горящей свечой он имел в виду великого князя Петра Алексеевича, сына покойного царевича Алексея. И это была правда: огонь жизни угас в любимом сыне царя, но он же разгорался в его внуке, ровеснике покойного. Семя сына-врага произросло. Круглый сирота, обделенный вниманием деда, не согретый ничьей любовью, Петр Алексеевич подрастал, как подорожник у тропы, и этому радовались все, кто с нетерпением ждал конца царя-реформатора: и Лопухины, и многие другие его враги. Петр и Екатерина ничего не могли противопоставить жестокой судьбе.

Умирая в январе 1725 года, Петр не назвал имени своего преемника, имя внука тоже упомянуто не было. Царь повторял тем, кто подходил к его смертному ложе, только одно: «После! После!» Он надеялся, что жизнь еще не кончена, что он выкарабкается и на этот раз – ведь ему было всего пятьдесят два года. Но «после» для Петра Великого не наступило. Его ждала смерть, а Россию – эпоха дворцовых переворотов.

Проделки неверной фортуны: Александр Меншиков

Из князи в грязи

Весной 1728 года опальный светлейший князь, президент Военной коллегии, почетный академик Британской академии, кавалер множества российских и иностранных орденов, генералиссимус Александр Данилович Меншиков с семьей – женой, сыном и двумя дочерьми – был отправлен из своего липецкого поместья Ораниенбурга в вечную ссылку в Сибирь. Не успели ссыльные проехать и десяти верст, как их нагнал нарочный из Петербурга и остановил убогую повозку. Начался последний обыск. Таково было высочайшее предписание: не дать опальному князю увезти с собой ничего лишнего сверх положенного по инструкции. И действительно, «лишнее» тотчас нашли, отобрали и внесли в особый протокол: «шлафрок ношенный – 1», «чулки кастановые, ношенные – 1», «скатерти – 4». У женщин отняли нитки с иглами, лоскуты материи для шитья – не положено! Напоследок самого Меншикова обыскали и забрали у него ветхий кошелек, в котором лежали 59 копеек. Это были последние деньги еще вчера самого богатого человека России.

Так, совершив головокружительный взлет к вершинам власти, богатства и могущества, Меншиков стремительно низринулся вниз.

«Дитя моего сердца»

Впервые имя Александра Меншикова упоминается в документах в 1698 году. Иностранцы писали о нем как о «царском фаворите Алексахе из низшего рода людей». Никто не может сказать точно, происходил ли светлейший из простолюдинов или из знатного польского рода Менжиков. Не будем рыться в родословных книгах, скажем прямо – человек в России независимо от происхождения обретает свое значение только тогда, когда он в фаворе. В конце 1680-х годов Алексахка приглянулся юному Петру I, и это решило судьбу будущего генералиссимуса – царь сделал его своим денщиком, привязался к нему.

Царский денщик – должность по тем временам исключительно важная. Это слуга, порученец, телохранитель, сподвижник. Но и среди денщиков Меншиков сразу же занял особое место при государе, который в письмах называл его ласково «Алексахею», «Mein Herzenkind» («Дитя моего сердца»). Нет сомнений, Петр любил Меншикова, делил с ним стол, вечную свою дорогу, трудности и, чего греха таить, – постель. Об этом есть свидетельства документов.

Большой талант и огромный порок

Но не будем все сводить к постели. Меншиков был по-настоящему талантлив. Он оказался тем человеком, тип которого культивировал Петр: предан государю, усерден в учебе, отважен в бою, влюблен в море и корабли, неутомим в работе, стоек в непрерывных попойках, покладист и необидчив в общении. Впрочем, и этого мало для подлинно успешной карьеры – нужны яркие поступки. И вот при взятии шведской крепости Нотебург (Орешек) осенью 1702 года Меншиков проявил себя как отчаянный смельчак. На глазах царя он в белой, распахнутой на груди рубахе отважно лез в самый огонь. Так, в качестве трофея, Меншиков взял свое первое кресло – стал комендантом этой крепости, переименованной в Шлиссельбург, срочно ее отремонтировал, словом, доказал на деле, что не зря пользуется благосклонностью государя. В 1703 году он был назначен первым генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Из писем Мен-

шикова видно, что он на своем месте: умен, деловит, памятьлив, инициативен. Таких людей было мало, и Петр их особенно ценил, прощал им многие их прегрешения.

Ну а кто без греха! Высочка Меншиков жадно искал людского признания, богатств, чинов, титулов и наград. Его драгоценную одежду (такие кафтаны носили только датский да английский короли!) буквально покрывал панцирь из сверкающих орденов и бриллиантов. А как он, умевший только расписываться большими и корявыми буквами, нахально выпросил у президента Британской академии Исаака Ньютона звание почетного академика?

Но не только гордыня сжигала Меншикова. Он был нечист на руку, оказался редкостным даже для России стяжателем и казнокрадом, благодаря чему скопил невероятные богатства. Много раз светлейшего ловили за руку, но от эшафота и кнута его спасали любовь царя и умение раскаться, добровольно сдать в казну все, что было им наворовано. Впрочем, может быть, здесь была своеобразная игра. Некоторые считали, что, используя ненасытность Меншикова, Петр таким образом изымал дополнительные средства у своих подданных, одновременно делая Данилыча своеобразным громоотводом. Все были недовольны сановником-хапугой, а вот приходил царь, отбирал у него наворованное – и общество успокаивалось. Словом, как говорится, добро торжествует, порок наказан.

Полководец-коммерсант

На поле боя Меншиков отличался не раз. Он обладал талантом полководца, был отличным кавалеристом – смелым, горячим. Это было как раз по нему: мчаться сломя голову вперед, на врага и рубить его в капусту. Велика роль меншиковской кавалерии в победе над шведами в 1709 году под Полтавой и под Переволочной, куда бежали разбитые шведские полки. Именно там светлейший и пленил остатки армии Карла XII. Постигавший воинское искусство из-за плеча склонившегося над картами царя, в тот момент Меншиков проявил себя отважным и хитрым одновременно. Чтобы обмануть шведов, превосходивших числом настигший их у Днепра русский отряд, он ссадил кавалеристов с лошадей. Издали врагу показалось, что их нагоняет не только русская кавалерия, но и пехота. В итоге 16 тысяч шведов сдались 10-тысячному корпусу Меншикова.

После Полтавы Меншиков воевал недолго – во время кампании в Германии, где он в союзе с датчанами и пруссаками выбивал шведов из их померанских крепостей, разразился грандиозный скандал. Заняв одну из важных шведских крепостей, Меншиков не передал ее, как было заранее оговорено, датчанам, а продал за миллион талеров прусскому королю – тот давно собирал под свою корону германские земли. Словом, в Копенгагене рвали и металы по поводу «коммерческого предприятия» русского командующего. Петр был вынужден отозвать светлейшего, наверняка и деньги у него отобрал! Возможно, это так и было задумано, но с тех пор Меншиков стал «невъездным». Может, чтобы его датчане не обидели или Фридрих I Прусский не задумал своего благодетеля в объятиях.

Уютное гнездышко на берегу

Впрочем, сам светлейший за границу особенно не рвался – дел и на родине было много. Он осел в Петербурге, в своем роскошном дворце на берегу Невы. Каждое утро, еще в темноте, он, бессменный генерал-губернатор новой российской столицы, спешил на стройки, верфи – всюду был нужен его пригляд. Лучше его свой «парадиз» знал только сам государь. Вечером, возвращаясь по реке домой, Меншиков любовался своим дворцом, сверкавшим на закатном солнце множеством окон. Во всем облике этого стоявшего на самой кромке Васильевского острова дворца, с его видной издали красной крышей, крытой железом, в роскошных празднествах, которые часто устраивал здесь светлейший, словом, всюду была видна печать необык-

новенной личности Меншикова. Это был человек яркий, амбициозный, живший щедро, с размахом, с демонстративным желанием поражать гостей своим богатством, шальным счастьем через край. Истинно «новый русский»!

В этом дворце на берегу Невы он и свил свое гнездо: женился по любви на дворянке Дарье Арсеньевой, нажил с нею троих детей и был здесь вполне счастлив. Уезжая в походы и странствия, в уютном доме Данилыча оставлял своих детей даже сам Петр. Он знал, что, бегая вместе с детьми Меншикова по просторным залам дворца, его наследники будут в полной безопасности, а если что случится с ним в походе, верный Данилыч не оставит царских детей в беде.

Но не всегда небо было безоблачно над княжеским гнездом. Порой Петр бывал суров к светлейшему, все аферы, «жульства» и махинации которого быстро становились ему известны, и в 1723 году Меншиков ощутил растущее раздражение государя, уставшего подтирать за непрерывно гадившим любимцем. Но на этот раз за Данилыча вступилась жена Петра, царица Екатерина – бывшая любовница Меншикова. Их связывало нечто большее, чем память о поросшем быльем романе. Они, выходцы из низов, были одиноки в толпе родовитой знати, ненавидимы всеми в завистливом придворном мире, а поэтому держались друг за друга, боясь пропасть поодиночке.

Шаг к трону

Когда в январе 1725 года Петр Великий умер, не оставив завещания, Меншиков отблагодарил свою «давнюю подругу сердца», помог ей стать императрицей Екатериной I. Но покоя светлейшему по-прежнему не было. Государыня много болела, и родовитая оппозиция, сгруппировавшаяся вокруг великого князя Петра, сына покойного царевича Алексея, нетерпеливо ждала своего часа. Весной 1727 года этот час приблизился – императрица уже не вставала с постели. Накануне смерти Екатерины I Меншиков опередил всех. По его настоянию государыня завещала престол Петру Алексеевичу, но при условии, что невестой царя станет дочь светлейшего – Мария. Так и вышло. Сразу после смерти Екатерины I семнадцатилетняя Мария и Петр II, которому не исполнилось еще и двенадцати, обручились. Это был триумф Меншикова. Пусть не он, но его дочь, кровь его, взойдет на российский трон, а он уж как-нибудь поможет на первых порах молодоженам управлять Россией!

Впрочем, Александр Данилович не спускал глаз с Петра II, держал мальчика при себе, даже поселил его в своем дворце. Неподалеку поспешно начинают строить императорский дворец. Меншиков мечтает, чтобы молодожены поселились в новых хоромашах. Но неожиданно летом 1727 года Меншиков серьезно заболел и поневоле ослабил свой контроль за «карманным царем». Петр посидел раз-другой у постели будущего тестя, за окном было прелестное лето. Словом, царь уехал за город на охоту. Там, на просторе, его окружение, в котором было немало тайных врагов временщика, сумело быстро настроить мальчика против надоедливой опекуна. Когда Меншиков поправился, то оказалось, что он проиграл.

Кого любит Фортуна

В XVIII веке был популярен образ Фортуны, богини счастья, удачи. Она изображалась с повязкой на глазах, едущей на колесе (отсюда выражение «колесо Фортуны»). У сей девы была очень странная прическа – спереди длинный чуб, а темя и затылок лысы, как бильярдный шар. Схватить Фортуну за чуб – высшая доблесть для царедворца. Промедлить тут нельзя, иначе рука скользнет по лысине, и все пропало – укатит, хохоча, чертовка, не догонишь! Власть, как известно, любит только здоровых. Светлейший заболел, прозевал момент, словом, промахнулся, и Фортуна укатила к другим, молодым и здоровым. Юный император не желал больше

видеть своего опекуна и противную, старую (почти восемнадцатилетнюю!) невесту. И вмиг всех, кто подобострастно лебезил и заискивал перед могущественным временщиком, за честь почитая навестить его и сыграть партию-другую в шахматы или картишки, как ветром сдуло...

И Меншиков разом сник, сдался на милость победителей, этих пигмеев, окружавших царский трон. В чем тут дело? Почему он не прибег к помощи любимой им гвардии, не стукнул кулаком в Верховном тайном совете, не прикрикнул на членов Синода? Пожалуй, истинную причину произошедшего со светлейшим понял, глядя на толпу придворных, французский дипломат Шетарди: «Знатные только по имени, в действительности же они были рабы». Стоило мальчишке-царю – подлинному господину этой толпы рабов – топнуть ногой, нахмурить брови, и душа в пятки уходила у самых гордых вельмож. Словом, Меншикова лишили всех богатств, орденов, титулов и выслали в Ораниенбург, а потом в Сибирь. Александр Данилович не сопротивлялся – он сам без счета безжалостно топтал людей и знал повадки властителей. Только раз, во время начатого в Ораниенбурге следствия, он возмутился. Его, победителя в Северной войне, пытались обвинить в государственной измене, в связях со шведами в ущерб России. Но набрать компромата на героя войны со шведами ни следователям, ни русскому послу в Швеции Головину все-таки не удалось. Впрочем, и такие обвинения у нас обычны.

Так, совершив ошеломительный взлет из грязи в князи, Меншиков снова плюхнулся в грязь.

По волнам Леты

По дороге в Сибирь, не вынеся позора и горя, умерла его жена Дарья. Говорят, он сам выкопал для нее могилу. А потом ссыльные приехали в Березов. Эти места теперь всем известны: примерно там находится «нефтяной Клондайк» – Сургут, куда «только самолетом можно долететь». Березов – заполярное место на берегу вечно холодной реки Сосьвы, глухое и печальное. Меншиков со слугами срубил себе дом. Он много молился в построенной им церкви и, наверное, как на известной картине Василия Сурикова, долгими вечерами сидел, кутаясь в халат, вспоминал прошлое, слушал, как дочери читают Библию.

В светлый праздник Рождества 1728 года, в самый день своего восемнадцатилетия, на руках у отца умерла Маша, «разрушенная невеста» Петра II, девочка, которой не суждено было стать царицей. Год спустя, в ноябре 1729 года, смерть пришла и за Александром Даниловичем. Он был похоронен возле своей церкви, в вечной мерзлоте. Сто лет спустя его могилу вскрыли – светлейший, покрытый тонкой коркой льда, лежал в гробу как живой. А потом тот берег реки Сосьвы, где стояла церковь, обрушился, и прах Меншикова унесло половодьем. Он уплыл от людей будто по волнам Леты – реки времени и забвения.

Неистовый генерал-прокурор: Павел Ягужинский

Резидент и тамада

Как и многие выдающиеся «птенцы гнезда Петрова», Павел Иванович Ягужинский начал службу в восемнадцать лет денщиком у Петра Великого. Аккуратный, умный, красивый денщик был иностранцем. Он родился в 1683 году в Польше, в семье органиста, который вскоре переехал в Москву и стал служить в кирхе Немецкой слободы. Со временем денщик превратился в капитана гвардии, исполнителя многих сложных поручений государя. Не раз он отправлялся за границу, имея полномочия тайного посланника или резидента. Ему предстояло то вести секретные переговоры, то разведывать что-то важное, то искать скрывавшегося от царского возмездия беглого русского дипломата. Для выполнения этих непростых заданий у Ягужинского были все данные: аналитический ум, знание нескольких языков, красивая внешность, легкость в общении с людьми, умение в них разбираться, недюжинные организаторские способности.

При этом Павел Иванович – веселый, симпатичный, обаятельный – был своим человеком в доме государя, не раз выполнял секретные личные задания Петра и Екатерины. Так, он занимался матримониальными проблемами царской семьи: рыскал по Европе в поисках женихов для царских племянниц и дочерей, вел сложные переговоры о заключении династических браков и обо всем этом подробно докладывал Петру и его супруге.

К тому же без него не обходился ни один праздник в Петербурге. По воспоминаниям современников, Павел Иванович был всегда истинной душой компании: галантный кавалер, остроумный рассказчик, неутомимый танцор, душевный собутыльник. Словом, как писал его биограф, «он любезностью своею одушевлял все общества, в коих находился». Не случайно в 1711 году Петр сделал его маршалом (то есть тамадой и распорядителем) на свадьбе царевича Алексея Петровича и кронпринцессы Шарлотты. Можно представить себе, как трудно было тамаде «раскачать» мрачных гостей: брак был политический, а следовательно, почти принудительный для молодых.

Когда в 1718 году Петр учредил свои знаменитые ассамблеи, то как раз Ягужинскому он поручил заниматься этим новым, непростым делом – ведь такой вечерний публичный досуг в России был в диковинку. Неудивительно, что гости не умели отдыхать «вольно» и непринужденно, как предписывалось в правилах ассамблей, и то и дело правила нарушали. Тогда к нарушителю подходил веселый, но неумолимый маршал Ягужинский со знаменитым кубком «Большого орла», наполненным доверху вином, а то и водкой, и заставлял его на потеху гостям осушить до дна этот чудовищный сосуд, который ныне красуется на столе в петергофском дворце Монплеизир.

В 1724 году Ягужинский становится командиром (капитан-поручиком) особо привилегированной роты кавалергардов – личной отборной охраны царственных особ. В этом качестве он участвует в церемонии коронации Екатерины – честь высочайшая. Неописуемой красоты кавалергардский мундир с огромным золотым орлом на груди был создан будто специально для статного, видного Ягужинского.

Недреманное «око государево»

В 1718 году начинается и серьезная государственная карьера Ягужинского. Царь предписывает ему следить за ходом реформы управления (в это время началось формирование кол-

легий), а также наблюдать за порядком в высшем правительственном органе, Сенате, недисциплинированных членов которого царь уподоблял «торговкам, на базаре галдящим».

Наконец, в 1722 году Петр назначил Ягужинского на невиданную ранее должность генерал-прокурора, главного контролера империи. Отправляясь в Персидский поход, Петр назвал его «оком государевым». В речи, обращенной к сенаторам, оставленным у кормила власти на время длительного отсутствия государя, Петр, показывая на Ягужинского, сказал: «Вот мое око, коим я буду все видеть. Он знает мои намерения и желания, что он заблагорассудит, то вы и делайте». Если же распоряжения генерал-прокурора, продолжал царь, покажутся сенаторам «противными моим и государственным выгодам, вы, однако, это исполняйте и, уведомляя меня, ожидайте моего повеления». Такого доверия Петр, человек подозрительный и скрытный, кажется, не испытывал ни к одному из своих подданных. Судя по многим свидетельствам документов, Ягужинский ни разу не подвел государя. Он пользовался его доверием до конца и стал одним из влиятельнейших сановников.

Сила белой вороны

Сила его заключалась не в близости к царю (были люди, стоявшие к государю и поближе), а в том, что Ягужинский был честным и неподкупным человеком. Поэтому он выглядел опасной белой вороной в толпе высокопоставленных воров и воришек у трона. Георг Гельбиг, автор уничижительной для русской знати XVIII столетия книги «Русские избранники», написанной по воспоминаниям современников, только Ягужинскому воздал хвалу как необыкновенному человеку, отметив (в галантном стиле XVIII века) главное достоинство первого генерал-прокурора: «Человек, никогда не отрекающийся от своего мнения, вечно говорящий правду, презирающий всякие сделки с совестью, высказывающий смело своим согражданам, своему начальству, даже своему государю только тот взгляд, который кажется ему, по его убеждению, вернейшим, такой человек заслуживает, конечно, общего уважения. Небольшие пятна, отнимающие у картины высшую степень совершенства, исчезают перед великими ее достоинствами или же делают их еще более выдающимися».

«Небольшие пятна», мешающие карьере

Да, «пятна» бывают не только на солнце, были они и у Ягужинского. Но недостатки Павла Ивановича являлись естественным продолжением несомненных государственных и человеческих его достоинств. Он был человеком прямым, откровенным, вспыльчивым и неуживчивым. Часто (а к концу жизни – почти всегда) он, нетрезвый, громогласный и решительный, не выбирал в богатом ненормативной лексикой русском языке выражений и никого не щадил, обличая грехи и грешки петровских сподвижников. Прямота генерал-прокурора нравилась государю (который сам мало считался с этикетом и любил принародно выводить воров и проходимцев на чистую воду), но страшила других «птенцов гнезда Петрова», которые могли похвастаться многим, но только не честностью и неподкупностью. Больше всего генерал-прокурор досаждал вору из воров – Меншикову, которого, в отличие от других сановников, совсем не боялся и разоблачал его с пеной у рта, как только представлялся к этому случай. А случаев этих было предостаточно, как можно догадаться из помещенного выше рассказа о жизни светлейшего.

Неудивительно, что как только Петр Великий умер, Меншиков и другие сановники, оказавшиеся у власти при Екатерине I, постарались «задвинуть» Ягужинского. Они создали Верховный тайный совет, но Ягужинского в него не только не включили, а даже должности генерал-прокурора лишили – кому же нужен был такой обличитель их пороков? Между тем в управлении страной они активно пользовались идеями Ягужинского. Именно он уже в первые месяцы после смерти Петра Великого стал инициатором изменения политического курса

страны, подал Екатерине I «Записку о состоянии России», в которой оценил это состояние как критическое. Он предлагал облегчить для народа налоговое бремя, сократить военные расходы, отказаться от завоевания новых территорий: известно, что в конце жизни Петр устремился мечтами к Индии, готовил туда поход, собирался послать корабли на остров Мадагаскар, чтобы создать там базу для завоевания Индии.

Меншиков и другие «верховники» (члены Верховного тайного совета) своего добились. Ягужинского сначала сделали штальмейстером – главным начальником царских конюшен, а потом вообще отправили с глаз долой – послом в Пруссию. Но перед отъездом Ягужинский все-таки сказал Меншикову все, что о нем думал. Больше им судьба не предоставила возможности поругаться. Когда Ягужинский вернулся в Петербург, сосланный Меншиков уже устраивался на новом месте, в Сибири. Но к этому времени карьера и самого Ягужинского была сломана – «око государево» в России уже не требовалось.

Две Анны – матери сыновей и дочерей

Ягужинский был мужчина красивый и очень нравился женщинам. С нескрываемой симпатией пишет о нем леди Рондо, жена английского посланника при дворе Анны Иоанновны: «Его наружность прекрасна, черты лица неправильны, но очень величественны, живы и выразительны. Он высок и хорошо сложен. Манеры его небрежны и непринужденны, что в другом человеке воспринималось бы как недостаток воспитания, а в нем столь естественно, что всякому видно: он исполнен достоинства, привлекающего к себе взоры даже в очень большом собрании, словно является в нем центральной фигурой».

Выходец из низов, он женился на богатой невесте, Анне Дурново, родившей ему четверых сыновей. Но в начале 1720-х годов у нее началось расстройство психики. Ее дальнейшее буйное помешательство на эротической почве сделало жизнь Ягужинского невыносимой. Он безуспешно добивался развода, основанием для которого в то время могла стать только супружеская неверность. Высшие церковные иерархи терпеть не могли громогласного разоблачителя грехов и долго не разводили супругов. Лишь летом 1723 года Синод издал указ о разводе четы Ягужинских. Анна была заточена в монастырь, а Павел Иванович смог вновь жениться в октябре 1724 года.

Новый брак – и по расчету, и по любви – оказался удачным. Ягужинский взял в жены хотя и рябую (последствие оспы), но грациозную, образованную и – под стать себе – веселую и обаятельную Анну Гавриловну, дочь канцлера Головкина, да заодно получил за ней богатое приданое. В отличие от первой Анны вторая рожала мужу исключительно дочерей.

Кому нужен скандалист, говорящий только правду?

В последние годы жизни штоф с водкой стал главным утешителем и товарищем бывшего генерал-прокурора, а характер его испортился окончательно. Он стал вздорен и неуживчив, часто скандалил при императорском дворе, ввязывался во все конфликты. В 1730 году, когда члены Верховного тайного совета попытались ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны, Ягужинский даже пострадал, тайно предупредив новую государыню о намерениях верховников сделать ее императрицей, не имеющей фактической власти. Его посадили в тюрьму. Это краткое заточение обеспечило ему кредит доверия у Анны Иоанновны, но ненадолго. Ягужинский поссорился с новыми сподвижниками императрицы, в том числе с ее фаворитом Бироном, с которым был то «не разлей вода», то на ножах, страстно обличая установленные им при дворе порядки. И когда весной 1736 года Ягужинский умер, многие вздохнули с облегчением – отныне уже никто публично не мог обозвать их ворами и ничтожествами.

Конец в замурованной камере: архиепископ Феодосий

Основатель и царев приятель

Весной 1710 года Петр I приехал к устью впадавшей в Неву речки Черной, названной вскоре Монастыркой, чтобы присутствовать при закладке нового монастыря во имя «Животворящей Троицы и Святаго Благовернаго великаго князя Александра Невского». Так был основан Александро-Невский монастырь. Политический и религиозный смысл этого действия прост и понятен. На берегах Невы Россия оставалась навсегда, и это подкреплялось церковной легендой и самой историей. Идею эту царю подал Феодосий Яновский, ставший архимандритом нового монастыря. Он больше всех суетился на торжестве у Монастырки, водружая на ее берегу закладной крест и показывая царю план новой обители. Это была его громкая победа.

Личность Феодосия не являет собой загадки. Выходец из Польши, воспитанник знаменитой Киево-Могилянской академии, он слыл чужаком в среде московского духовенства. Так было со многими учеными украинцами и поляками, без церковных знаний которых в России все-таки обойтись не могли. Но Феодосий прославился не ученостью. Его имени нет в знаменитом «Словаре писателей духовного чина» митрополита Евгения, его не упоминают также среди русских святых и подвижников XVIII века. И правильно делают, что не упоминают! Не за что! Феодосий прославился тем, что в старину называли «проницательством» – подлым приспособленчеством, умением держать нос по ветру, извечной готовностью к предательству. Он выдвинулся, «затоптав» своего благодетеля, митрополита Новгородского Иова, в епархию которого входила Ижорская земля. Именно митрополит Иов, освящавший в 1703 году закладку крепости на Заячьем острове и Кроншлота у Котлина, пригласил Феодосия, сделав его архимандритом знаменитого Хутынского монастыря. Но Феодосию этого было мало, он ловко втерся в доверие к царю Петру и сумел опорочить в царских глазах своего покровителя. Основав Александро-Невский монастырь, Феодосий фактически отделился от Новгородской епархии, а впоследствии сам занял новгородскую кафедру, перенеся ее с берегов Волхова на берега Невы. Не сидеть же ему в Новгороде, вдали от милостей государя!

Можно с уверенностью сказать, что не было ни одной моральной преграды, через которую не переступил бы Феодосий. Он был в числе ближайших сподвижников Петра I, и его можно было видеть как на торжественных церемониях, так и на попойках знаменитого своим кощунством Всеппянейшего собора. Он сопровождал Петра в заграничной поездке и особенно увивался возле царицы Екатерины; в 1724 году в Москве он вел церемонию ее коронации. Феодосий отпускал государю все тяжкие его грехи, в 1718 году он стоял рядом с ним, когда тот посылал в Петропавловскую крепость надежных людей, чтобы они под покровом ночи задушили его несчастного сына, царевича Алексея. Тем самым архимандрит благославил один из смертных грехов – сыноубийство.

Инквизитор, поклоняющийся кортику

Феодосий был одним из тех, кто стоял у истоков так называемого «синодального» периода истории Русской православной церкви, когда во главе ее в течение двух столетий стоял не патриарх, а Священный синод – коллегиальный орган управления церковными делами, образованный Петром в 1720 году. С той поры Русская православная церковь превратилась в идеологическую контору самодержавия, духовную «обслужу» светской власти. В церковной иерар-

хии Феодосий вытеснил с первого места патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского (тоже выходца с Украины) и стал в Синоде первым.

Согласно легенде, кто-то из церковников попросил императора восстановить патриаршество. Но Петр, не терпевший никакой конкуренции своей власти, в ярости выхватил кортик, воткнул его в стол и сказал: «Вот вам патриарх, ему и подчиняйтесь!» Феодосий-то как раз и был одним из послушных слуг царского кортика. Он беспрекословно исполнял волю Петра, внося немыслимые для православных перемены в обряды русской церкви. Он превратил священника в доносчика, обязанного ради интересов государственной безопасности нарушить одно из священных таинств веры – таинство исповеди, если духовный сын, каясь в грехах, признавался в оскорблении чести государя или «злом намерении» против его власти. После этого миллионы русских людей, шедших в церковь на обязательную для верующих исповедь, были поставлены перед страшной альтернативой: солгать своему духовному отцу (и соответственно Богу) и спасти свою жизнь или сказать правду и подвергнуться по доносу священника аресту, пытке, казни. В таком же ужасном положении оказывался и священник, который боялся нарушить закон, предписывающий ему доносить на своих прихожан.

Феодосий был настоящим инквизитором. Неумолимо и жестоко он преследовал всех противников официальной церкви, в особенности старообрядцев, на которых охотились, как на диких зверей. Благодаря Феодосию и подобным ему иерархам церкви старообрядцы – «раскольники» были поставлены вне человеческого и гражданского общества. Они платили двойные налоги, им запрещали торговать, свидетельствовать в суде, занимать мирские должности, издавать и хранить книги, читать и писать. Мужчины-старообрядцы были обязаны носить пришитый на спину верхней одежды «козырь» – красный ромб, а женщины – особые шапки с рогами. Церковь использовала всю мощь репрессивной машины государства, чтобы расправиться с религиозным инакомыслием.

Феодосий считался близким приятелем начальника Тайной канцелярии Петра Толстого и его заместителя генерала Андрея Ушакова. Они втроем и бражничали, и присутствовали при пытках в застенках Петропавловской крепости. Впрочем, Феодосий имел свою тюрьму в Александро-Невском монастыре. Здесь он часто решал судьбу несчастных, пытаных в застенке людей. Политический сыск доверял Феодосию вынесение приговора по делу раскаявшегося на пытке раскольника. Феодосий должен был убедиться, искренним ли было это раскаяние или преступник лишь притворился и остался, как тогда говорили, «заледенелым раскольником». Свой приговор Феодосий отсылал для исполнения в Тайную канцелярию.

Как сладостно ослу пинать мертвого льва

Словом, такой пастырь вряд ли достоин пространного рассказа, но уж очень необычно сложилась судьба основателя Александро-Невской лавры. Как только умер Петр Великий, Феодосий – его ближайший сподвижник публично обрушился на все, что сделал в России его повелитель. Это не было озарением или покаянием. Злобность была присуща ему с ранних лет. Коллеги по Синоду не любили Феодосия за недобрый, вздорный и сварливый нрав. Как говорил потом архиепископ Тверской Феофилакт, «с самого начала, как я определен в Синод, увидя преосвященного Феодосия всегда бранящего всякого чина людей, от мала даже до великаго. Чему я удивлялся и начал думать, что он то по своему званию и позволению государеву и дерзновению на его к себе великую милость сие творит или на искушение иных, каковы они покажутся в своей верности к государю». Иначе говоря, люди помалкивали, боясь могущества Феодосия и одновременно опасаясь провокации с его стороны.

После смерти Петра Феодосию показалось, что ему все позволено. Он стал отважно и смело пинать мертвого льва. В этом проявилась его неистовая, злобная натура. В присутствии своих коллег по Синоду он, не стесняясь, поносил покойного императора, называл его страш-

ным грешником, тираном и распутником: «Государю болезнь пришла смертная от его безмерного женонеистовства и от Божия отмщения за его посяшку на духовный и монашеский чин, которой хотел истребить». А как поносил Феодосий петровскую церковную политику, виднейшим проводником которой был он сам! «Отнял Бог милость свою от сего государства, – кручинился архимандрит, – понеже духовные пастыри весьма порабощены, и пасомыя овцы на пастыри власть взяли.»

Инцидент на мосту, или «Не тронь меня!»

Но и эти крамольные слова, наверное, сошли бы Феодосию с рук. Все знали, как несдержан на язык столь влиятельный и могущественный друг начальника Тайной канцелярии – попробуй на него донеси! Но все-таки непомерная гордыня сгубила Феодосия. При Екатерине I, которую он считал слабой и недостойной правительницей, он стал нарушать общепринятые правила поведения. Весной 1725 года произошел знаменитый инцидент на мосту. Дело в том, что со времен Петра действовал указ, запрещающий горожанам ездить по мосту возле Зимнего дворца в те часы, когда государь отдыхает, дабы стуком копыт и грохотом колес экипажа не потревожить послеобеденный сон императора. Для напоминания горожанам об указе на мосту стоял особый часовой. 19 апреля проезжавший по мосту Феодосий отказался выйти из кареты, да еще устроил страшный скандал – орал и махал тростью на дежурного офицера. Потом он прошел во дворец и, узнав от служителя, что к императрице входить «не время», начал кричать: «Мне бывал при Его величестве везде свободный ход, вы боитесь только палки, которая вас бьет, а наши палки больше тех, шелудивые овцы не знают, кого не пускают». Затем заявил, что во дворец он отныне – ни шагу.

Вечером гофмаршал двора Матвей Олсуфьев, приехавший к Феодосию с приглашением пожаловать во дворец на обед, был поражен грубым отказом святителя принять это обязательное для подданного приглашение; тот «желчно заупрямился и не пошел», несмотря на все уговоры. После этого разгневанная Екатерина запретила ему бывать при дворе, но он не послушался и через три дня самовольно явился в Адмиралтейство на торжественный спуск корабля «Не тронь меня», где присутствовала государыня. Это уже было воспринято как «оскорбление чести Ея императорского величества». Феодосий был арестован. Его обвинили в «необычайном и безприкладном (беспримерном. – Е. А.) на высокую монаршую честь презорстве». Это соответствовало действительности. Пожалуй, таким же образом, «желчно упрямясь», вел себя только патриарх Никон при царе Алексее Михайловиче. Но тут императрица Екатерина I наглядно показала всем, кто есть кто в Российском государстве, и форс выдержала до конца.

«Ни я чернец, ни я мертвец»

Не следует удивляться, что друзья и собутыльники Феодосия из Тайной канцелярии, Толстой и Ушаков, исполняя указ государыни, ничтоже сумняшеся, повлекли Феодосия в застенки, тем более что и с ними объятый гордыней иерарх после смерти Петра тоже испортил отношения. А уж тому, что все коллеги Феодосия по Синоду дали против него убийственные показания, и вовсе удивляться не стоит – Синод был «клубком» заклятых друзей. Струсивший Феодосий, оказавшийся в шкуре тех, кого он десятилетиями мучил и над кем издевался, лепетал в ответ на грозные вопросы: «Говорил от малодушия, а не от злобы», «Говорил от ревности к добру», «Говорил от глупости» и т. д. Таким объяснениям в застенках обычно не верят, да Феодосий и не был искренен – то каялся, то был «спесив и о себе прощения не просил». Словом, заматерелый, «заледенелый» государственный преступник. Было предписано сослать его в холмогорский Корельский монастырь.

В июне 1726 года Феодосия привезли в этот северный монастырь, и тут-то он понял, что погиб безвозвратно. Начальник охраны подпоручик Степан Оголин, раньше жаловавшийся на спесивость арестанта, теперь писал в своих донесениях, что Феодосий просит милосердия и прощения. Но было уже поздно. Дело церковного иерарха в Тайной канцелярии становилось все толще и толще. Подходили все новые его коллеги, запоздавшие с доносами и разоблачениями, вскрылось хищение им денег из Новгородской епархии и множество других грехов. Феодосия лишили архиерейской и иерейской мантий, он превратился в простого монаха – старца Федоса.

Граф П. И. Мусин-Пушкин, посланный в Холмогоры в сентябре 1725 года, получил указ: «Федоса посадить в тюрьму, а буде тюрьмы нет, сыскать каменную келью наподобие тюрьмы с малым окошком, а людей близко той кельи [чтоб] не было, пищу определить ему хлеб да вода». Согласно этому указу, Феодосий был «запечатан», то есть замурован в келье под церковью. Окно и дверь заложили камнями, оставив только окошко для подачи еды. Там, во тьме, холоде, грязи, собственных нечистотах, без покаяния и слова участия он провел несколько месяцев.

Наступила зима, узник замерзал в холодной келье, но только в начале 1726 года его перевели в камеру с печью. Когда обезножившего Федоса переносили в новое узилище, он сказал присутствовавшему при этом вице-губернатору Архангелогородской губернии Измайлову: «Ни я чернец, ни я мертвец. Где суд и милость?» На что получил от чиновника резкий, как удар кнута, ответ: «Не говори лишнего, а проси Бога милости о душе своей». Это был приговор к смерти. Камеру вновь заложили камнями. 3 февраля того же 1726 года караульный офицер доложил Измайлову, что уже несколько дней Федос «по многому клику для подания пищи ответу не дает и пищи не принимает». Камеру вскрыли – Феодосий был мертв. Никто не знает точно, когда оборвалась грешная жизнь петровского сподвижника...

Русский кунктатор: Борис Шереметев

Не обжирался со всеми, яко свинья

Когда после очередной военной кампании Борис Петрович Шереметев приезжал к Рождеству в Москву или в Петербург, где ему пришлось по воле царя построить новый дом, его приветствовали, как никого другого из генералов Петра Великого. Почти всю Северную войну он был главнокомандующим русской армией, ее старейшим фельдмаршалом, уважаемым, родовитым, степенным аристократом! Словом, как писал австрийский дипломат Корб, это «дельный боярин, доблестный воин, гроза татар и главное украшение России». Боярин и воевода Шереметев с младых ногтей, подобно его славным предкам, верой и правдой служил государю. Он был потомственный профессиональный военный и дипломат. С кем он только не воевал! С турками, татарами, шведами, не раз душил мятежи казаков и стрельцов.

Крупный, даже толстый, с бледным лицом и голубыми глазами, Шереметев выделялся среди прочих вельмож своими благородными, спокойными манерами, любезностью и воспитанностью. Петр, государь деспотичный, склонный к непристойным розыгрышам над подданными, никогда не позволял себе проделывать их со старым воином, хотя шутил с ним весьма жестоко. В 1713 году, поздравляя Шереметева с рождением сына, царь писал: «Пишешь, ваша милость, что оной младенец родился без вас и не ведаете где, а того не пишете, где и от кого зачался». Грубая шутка Петра, видно, задела шестидесятилетнего фельдмаршала, вынужденного жениться по воле царя на молодой женщине, и он с достоинством и обстоятельностью отвечал ему: «И что изволите, Ваше величество, мене спросить, где он родился и от ково, я доношу: родился он, сын мой, в Рославле. И по исчислению месяцев, и по образу, и по всем мерам я признаваю, что он родился от мене. А больше может ведать мать ево, кто ему отец». И более никаких шуток, хотя обычно царский адресат стремился угодить государю и поддержать затеянную им полупристойную игру.

Один из современников вспоминает, как разительно Шереметев отличался от своих собратьев-бояр. В 1699 году на похоронах любимца царя Франца Лефорта произошла безобразная сцена. Бояре нарушили предписанный государем порядок шествия и гурьбой, грубо оттесняя иностранных посланников, пролезли к самому гробу. Уже на кладбище Петр заметил непорядок и «произнес: „Это собаки, а не бояре мои“. Шереметев же (что должно отнести к его благоразумию) сопровождал, как и прежде, посланников, хотя все русские шли впереди». Когда же бояре и другие знатные особы кинулись к накрытым поминальным столам и «с жадностью пожирали яства», лишь «Шереметев считал недостойным себя обжираться вместе с прочими, так как он, много путешествуя, образовался, носил немецкого покроя платье и имел на груди Мальтийский крест».

«Кавалер Мальтийский свидетельствованный»

Действительно, в характере и поступках этого старомосковского вельможи была черта, которая в конечном счете была приятна Петру и выделяла Шереметева среди других старых бояр. Известно, что как только царь в августе 1698 года вернулся из длительной поездки по Западной Европе, он принялся резать бороды у своих высокопоставленных подданных. Спустя некоторое время царь взялся с помощью овечьих ножниц кромсать их длиннополые одежды. Но вся эта унижительная и обидная вакханалия не касалась Шереметева. Он вернулся из посольства в Польшу, Австрию, Венецию и Мальту, куда его отправил царь в 1699 году,

преображенным и неузнаваемым – в модной европейской одежде, в роскошном парике и с обритым лицом.

Конечно, важную роль в преображении Шереметева сыграло длительное путешествие по Европе, но не только оно. Еще задолго до начала петровской эпохи Борис Петрович жил иначе, чем многие его современники. Он бывал в Польше с дипломатической миссией, видел жизнь польской шляхты и королевского двора. Он даже изучил польский язык и во время визита в Варшаву понравился своим обхождением польской королеве, знаменитой Марии – Марысенысе. Дух европейской жизни не был чужд ему, как и западные удовольствия, одежды, привычки. Свидетель-иностранец заметил, как однажды царь, разговаривая о чем-то с вельможами, обернулся к Шереметеву и стал расспрашивать его про Рим, а потом внимательно выслушал Бориса Петровича, который «похвалил приятный климат и красоту местности». Торжественно встреченный на Мальте, он удостоился редкой награды – пожалования в мальтийские рыцари. Некоторые считали, что Шереметев «не жалел больших издержек для получения знаков отличия Мальтийского креста». Но зато с тех пор, на зависть окружающим, Шереметев титуловался в документах: «Кавалер Мальтийский свидетельствованный», то есть законный, получивший свидетельство на орден.

«Не испытлив дух имею»

Однако при всех своих заслугах Шереметев не был выдающимся человеком. Борис Петрович – личность вполне заурядная, неяркая, без воображения и духовных исканий. «Не испытлив дух имею», – признавался он в письме своему приятелю Ф. М. Апраксину. Но зато он обладал другими достоинствами. В нем была та солидная надежность, которая внушает подчиненным уверенность и придает мужество даже в самом жарком бою. Возможно поэтому Петр и верил ему свою армию. Шереметеву случалось поступать не так, как хотелось бы государю – человеку порывистому и стремительному. Часто царь требовал от Шереметева быстроты, активности и бывал недоволен, когда фельдмаршал мешкал. Письма Петра I к нему полны понуканий, упреков и угроз: «Не чини отговорки ничем!»; «Зело мне дивно, что по многим довольным разговорам и положи на мере (то есть решив заранее. – Е. А.), ныне паки перемняете. Ныне вам в Шлютельбурге делать нечего, извольте ехать во Псков, а к нам неотложно извольте быть к празднику». Типично московский ответ Шереметева по пословице «московский тотчас – целый век» бесил царя. «Указ твой о поездке во Псков получил, и побреду, как могу управитця», – докладывал Шереметев. «Я тебе побреду!» – верно, ворчал Петр и слал новые «торопительные» письма.

Но при этом царь не спешил расстаться с Шереметевым, не отправлял его в отставку и даже не подчинял другому командующему. Он знал наверняка, что старый конь борозды не испортит и что российский кунктатор зря не будет рисковать, не бросится, подобно плембею и выскочке Меншикову, в авантюры. А Шереметеву было ведомо, что Петр не любит неоправданный риск, тяжело решается на генеральное сражение – ведь в нем многое зависит от случайности, как в карточной игре. Кроме того, у военных всегда есть некий «счет», по которому ранжируются воинские начальники. Шереметев был бесспорно первым: по происхождению, знатности, стажу службы, старшинству. Когда Меншиков торговал пирогами с зайчатиной, Шереметев успешно командовал войсками в войне с турками и во время Азовских походов даже дошел до Черного моря. Он предпочитал вести «негероическую», но рациональную войну, насколько она возможна в России: медленно, имея огромный перевес сил, продвигаться вперед, закрепляться на завоеванных рубежах и ждать новых распоряжений государя.

Бремя ответственности и страха

А вообще жизнь фельдмаршала была тяжелой, изнурительной. Грозный для врагов, он был придавлен страшной ответственностью, все время боялся не только за врученную ему армию, но и за себя. Сложными были его отношения с Меншиковым, нахрапистым, завистливым и бесстыжим любимцем царя. С Алексашкой приходилось держать ухо востро, в этом отчасти причина медлительности и нерешительности фельдмаршала. Как писал австрийский дипломат О. А. Плейер, Шереметев, воюя вместе с Меншиковым, «редко принимает окончательное решение, если только не боится скорого гонения. Он верно знает, что если и сделано будет что-нибудь хорошее, Меншиков тотчас позавидует тому, либо припишет себе счастливый конец и похвалу его приказа. Этот князь терпеть не может, если кто-нибудь входит в царскую милость». Сохранившиеся письма Шереметева к Меншикову полны любезной предупредительности. Старый боярин знал, с кем имел дело: не тронешь – не завоняет!

Непросто Шереметеву было и с самим царем. Петр, используя способности и опыт Бориса Петровича, чуждался его и не пускал в свой ближний круг. Все-таки Шереметев принадлежал к кругу московских бояр, враждебному царю. В наиболее ответственные моменты кампании в штабе Шереметева появлялся посланный Петром человек, которому поручалось присмотреть за командующим, Шереметев вечно страшился чем-нибудь прогневить царя, лишиться его милости, пожалований и похвалы. А государеву холопу они всегда так нужны! В письме к секретарю Петра I А. В. Макарову он с тревогой вопрошал: «Нет ли на меня вящего гнева Его величества?» В письмах к царю он инстинктивно принимает позу приниженной покорности. Его жизнь никогда не принадлежала ему, он всегда ощущал себя послушным рабом и больше всего страшился, как бы государь не подумал о нем иначе.

В конце жизни, в 1718 году, уже смертельно больной, фельдмаршал испугался, чтобы – не дай Бог! – царь не заподозрил его в симуляции, в нежелании судить царевича Алексея Петровича. Ведь он получил строгий государев указ явиться в Петербург и участвовать в суде над наследником. В письме тому же Макарову, а на самом деле Петру (кабинет-секретарь обычно читал полученную им почту государю) фельдмаршал, объясняя свою задержку в Москве болезнью, писал: «Я имею печаль, нет ли его, государева, на меня мнения, что живу я для воли своей, а не для неволи, и чтобы указал меня освидетельствовать, ежели жива застанут, какая моя скорбь (болезнь. – Е. А.) и как я, на Москве будучи, обхожусь в радости». Воля и радость – это не удел верноподданного!

Вскоре Борис Петрович убедился, что тревоги его не были напрасны, что царь ему все равно не поверил и затаил злобу. Это было видно из письма, которое Шереметев получил от него в октябре 1718 года. Там были вроде бы скупые, нейтральные, но полные скрытого недоброго смысла слова: «Житье твое на Москве многие безделицы учинило в чужих краях, о чем, сюда как приедешь, услышишь». Скорее всего, до Петра дошли слухи о том, как в Европе восприняли смерть царевича Алексея. Наверное, заграничные недруги писали, что вот-де, в отличие от прочих сподвижников Петра, старый боярин Шереметев, симпатизировавший наследнику, вопреки воле царя не явился на суд, сказавшись больным, и не подписал смертный приговор царевичу. Этим своим письмом Петр воткнул в сердце старика последнюю занозу, и оно не выдержалось.

Новосел петербургского некрополя

Он умер в Москве 17 февраля 1719 года, накануне того дня, когда по указу царя его должны были почти силой везти в Петербург. До самого конца у Шереметева не было ни душевного и физического покоя, ни воли – царская служба пожирала все его время, всю его жизнь.

Богатейший помещик России, он редко бывал в своих владениях. Домосед и хлебосол, он был вынужден таскать за собой по всей Европе кухню и любимые серебряные сервизы. Даже наслаждаться страстью к лошадям он не мог по своему хотению. Походы, походы... Лучшие лошади гибли, не выдерживая их, о чем фельдмаршал скорбел больше, чем о смерти своих солдат. Он не раз порывался подать в отставку. Так, после тяжелейшего Прутского похода 1711 года, когда русская армия под его началом оказалась в окружении и только чудом спаслась, силы фельдмаршала были на исходе. «Боже мой, – писал он своему приятелю Апраксину, – избави нас от напасти и дай хоть мало покойно пожить на сем свете, хотя и немного пожить.» И он решился просить царя отпустить его в монастырь. Он хотел укрыться от терзающей его жизни за стенами любимого Киево-Печерского монастыря, святость которого почитал особо. Но Петр поднял фельдмаршала на смех и вместо пострижения приказал ему жениться на вдове своего дяди Льва Нарышкина, Анне Петровне. Отказать царю у Шереметева не было сил. Жена была молода и красива. Мы не знаем, был ли счастлив в семейной жизни Борис Петрович, но детей в этом браке было много – четверо. О царских шутках по поводу первенца сказано выше.

Тяжко заболев в 1718 году, Шереметев вновь вернулся в мыслях к тому, о чем давно мечтал. В завещании он просил похоронить себя в Киево-Печерском монастыре – не удалось пожить в святости, буду хотя бы лежать в святом месте! Но государь решил участь покойного иначе. Даже последние, предсмертные желания подданных для него ничего не значили. По указу Петра тело Шереметева перевезли в Петербург, и его могила стала одной из первых в некрополе Александро-Невского монастыря. Так даже смерть старого фельдмаршала, как и прожитая им в вечном страхе и трепете жизнь, послужила высшим государственным целям.

Размышления у открытого склепа: Роман Брюс

На волю Бога и обер-коменданта

В популярных исторических книгах о юном Петербурге подробно говорится о его основании весной 1703 года, о строительстве Адмиралтейства, о трудностях великой северной стройки и лишь мельком отмечается, что несколько раз городу угрожали шведы, нападения которых удалось успешно отразить. Между тем в истории Петербурга было несколько лет, когда казалось, что он будет оставлен русскими, что город придется срыть, подобно возвращенным туркам в 1711 году Азову и Таганрогу, а только что заведенный на Балтике флот, подобно Азовскому, частично утопить, частично сжечь, лишь бы не достался врагу. В 1705–1709 годах такая угроза многим представлялась вполне реальной. Судьба Петербурга всецело зависела от того, как пойдут дела в Польше, Белоруссии и на Украине. Ввязавшись в Северную войну на стороне польского короля Августа II, Петр испил всю чашу горечи после того, как, основав Петербург и заняв Копорье, Ям, Нарву и Дерпт (Тарту), устремился на поля Польши на помощь своему союзнику. Обстановка там сложилась такая, что о первых победах в Прибалтике пришлось забыть. В Польше армии Петра I противостояли не слабые гарнизоны прибалтийских крепостей, а вышколенная, прекрасно вооруженная шведская армия во главе с тогда еще не знавшим поражений юным королем-викингом Карлом XII. Посему Петру под мощным натиском шведов пришлось где поспешно отступать, а где и попросту бежать. Война покатила из Польши в Белоруссию, потом на Украину. Воинственный король был упорен, отважен и бескомпромиссен. После некоторых раздумий царь дал указание восстанавливать укрепления Москвы. Видно, он готовился у стен старой столицы дать бой сильному врагу. Словом, тут уже было не до амбициозных планов грозить шведам с невских берегов. Петербург же был предоставлен на волю Бога и обер-коменданта Романа Вилимовича Брюса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.